

Например, историю немецкого моралиста Хебеля о том, как однажды в шахтёрском посёлке горной Австрии жених не явился на свадьбу, как напрасно до самого вечера ждала суженого невеста, как прошло пятьдесят лет, и вдруг тело несчастного горняка нашли в соляной расщелине, куда жених упал в тот туманный день, потому что срезал путь по опасному склону — торопился в церковь. Соль сохранила труп юноши в целостности и сохранности. Узнав об этом, старуха, которая в своё время вышла замуж, у которой уже были внуки, достала из шкафа то самое старое подвенечное платье и надела его на похороны.

Она первой шла за гробом и пела, словно на свадьбе.

Тем временем юноша в гробу под действием воздуха стал менять свой облик, он буквально старел на глазах, и когда процессия пришла на погост, в землю опускали не юношу, а старика.

Франц Кафка назвал эту новеллу самой прекрасной историей в мире... Что ж, действительно, история позволяет моим студентам — в пересказе — раскрыть разные грани своего дарования. Отточить детали сюжета, почувствовать время, выйти на новый уровень человеческого сочувствия, ведь писательство — это ещё и род целительства.

В заключение привожу список тем, которые я предлагал для этюдов на вступительных экзаменах в Литинститут, а также темы, которые я использовал — позднее — в ходе учёбы на семинаре прозы.

1. История знакомства моих родителей.
2. Мой выигрыш перессорил всю семью.
3. Булгаков: никогда не разговаривай с неизвестным...
4. Пришвин: в лесу я стараюсь ходить тихо.
5. Блез Паскаль: если бы нос Клеопатры был короче, то изменился б весь мир.
6. Если ты пальнёшь в прошлое из пистолета, то будущее выстрелит в тебя из пушки (народная мудрость).
7. Пушкин: в этой работе я вижу много искусства, но ни капли творчества.
8. Розанов: после Гоголя началось потопление России.
9. Фронтовые письма от деда.
10. Один день из жизни телефонной будки.
11. Оскар Уайльд: если писатель кого-то отравил, это ещё не значит, что он плохой писатель.

А. А. МИХАЙЛОВ¹

ЗАГОЛОВОК И ОПРЕДЕЛЕНИЕ ТЕМЫ РЕШАЮТ ЕСЛИ НЕ ВСЁ, ТО МНОГОЕ

С тех пор как я начал руководить семинаром прозы, помимо всяких-разных забот и обязанностей появилась одна, может быть, наиболее трудная. Во время каждой насыщенной защитой дипломов летней жары раздаётся вдруг

---

¹ Александр Александрович Михайлов — прозаик, критик, кандидат филологических наук, доцент кафедры литературного мастерства, руководитель семинара прозы, ФБГОУ ВО «Литературный институт имени А. М. Горького» (Москва, Российская Федерация); litmasterstvol@litinstitut.ru

грозный приказ С. Н. Есина: придумать пять тем для вступительных этюдов! И начинаются мучения — порой время потратишь на придумывание этих тем больше, чем на чтение и рецензирование дипломов.

Тема этюда и впрямь имеет большое значение. Удачное её название может зажечь абитуриента, разбудить фантазию, дать импульс к творчеству. На мой взгляд, лучше «работают» те темы и названия, в которых заложено несколько смыслов. Слишком же конкретные — оставляют меньший простор для «сочинительства». Намеренно привожу очень схематичный пример: «Как я провёл лето» и, допустим, «Там, где чисто и светло».

Понятно, что первая тема скорее всего будет раскрываться в соответствии с собственным биографическим и временным бэкграундом (фоном). Подразумевается описание реальных событий из жизни автора, произошедших «этим» летом. Впрочем, возможны варианты. Яркая индивидуальность абитуриента может проявиться и в такой банальной теме. Однажды я прочёл этюд именно с таким незамысловатым названием, где автор написал о том, как он *провёл* жаркое и удушливое лето, то есть *обманул* его: нашёл способ не мучиться, не страдать от городской духоты и жары.

В этюде с вполне абстрактным названием «Там, где чисто и светло» можно писать практически о чём угодно: от детских воспоминаний, к примеру, до поездок в экзотические страны, от реальных жизненных впечатлений до самых смелых выдумок и фантазий, и т. д., и т. п. «Свобода творчества» абитуриента тут ничем не ограничена: была бы способность творить.

Удачными темами для этюдов бывают иногда цитаты из классиков, то, что мы называем крылатыми выражениями. Такие цитаты с заложенными в них мудрыми смыслами вызывают ответный интеллектуальный «всплеск» у абитуриента, заставляют показать его культурный багаж, проще говоря, вынуждают задуматься над тем, что пишешь.

Однако и в этом случае есть по крайней мере два подхода к выбору темы, названия этюда. Можно, скажем, взять цитату из Достоевского: «Красота спасёт мир», а можно — из того же Достоевского: «Подлец, человек, ко всему привыкает». Какая лучше? Обе гениальны. Но я бы взял вторую.

Цитата про красоту, спасающую мир, уже стала настолько расхожей, что очистить её от налипших банальностей под силу лишь незаурядному автору. Абитуриент, думается, полнее раскроется, если будет озадачен при написании этюда толкованием второй из приведённых цитат Достоевского.

Нетривиальная тема, парадоксальная по смыслу цитата в названии этюда — это своего рода вызов для молодого автора на экзамене. С их помощью стимулируются, как мне кажется, и «неожиданные», неординарные качества пишущего этюд абитуриента. Те самые качества — умение по-своему видеть мир и талантливо переносить своё видение в слова и художественные образы, — которых мы от него и ждём «на этюде».

Был в семинаре и такой опыт, когда студенты сами предлагали темы для этюдов. Студент из моего первого набора **Олег Зоберн** однажды предложил написать этюд на тему «Ленин в моей жизни».

Сам Олег тогда был «в теме», увлечён ею: он написал концептуальный рассказ «Провал», где действует Ильич. И, как это ни удивительно, остальные

участники семинара откликнулись: каждый написал довольно живой этюд. От констатации полного отсутствия образа Ильича в собственной жизни одного студента до красочных картин семейной жизни Ленина и Крупской в сочинении другого. По правде говоря, я и сам не ожидал таких интересных результатов от темы, скорее подходившей для школьного сочинения 50-х годов прошлого века.

В этюде важнейшую роль играет элемент «непохожести», неожиданности, единственности (не хочется почему-то писать «уникальности»). Выигрывают название и темы, не похожие на прежние, уже когда-то использованные. Привлекает раскрытие абитуриентом темы — не так, как это делают другие. Пусть язык автора будет местами коряв и не всегда идеально грамотен, но если в нём есть «непохожесть», то, значит, есть и шанс, что данный абитуриент не бросит писать прозу или стихи уже на третьем курсе. И не станет впоследствии заурядным пиарменеджером или рекламным агентом, а будет и после окончания Литературного института заниматься литературой.

Вспоминается пример такого этюда. Даже на фоне других достаточно хорошо написанных эта работа показалась мне на редкость удачной. И я поставил за неё «пятёрку». Автор — студент-заочник моего семинара **Дмитрий Колейчик** из Минска. (Из всех предложенных тем он единственный выбрал самую, на мой взгляд, неожиданную и провокативную для абитуриента нашего института тему.) Вот его работа.

Убегу ли я из литературы?

Странность со мной. Я вижу всегда один сон. Но не это странно, такое бывает, вроде бы... Дело в том, что я сплю постоянно и вижу один сон циклично. Я предположил бы, что я в коме, но и это неправда. Не знаю, как объяснить логично. Это выглядит вот так: я сплю и вижу сон, потом просыпаюсь... и — я вижу сон, тот же, от начала и до конца.

Мне известно, людям свойственно помнить свою «внесонную», а сновидения забываются мгновенно. Я же сон свой помню подробно, а вот что происходит со мной, когда я бодрствую, я не запоминаю.

Вы спросите, почему я так уверен, что помню именно сон, вдруг это и есть реальность? Что ж, у сновидения есть несколько отличительных моментов, которые всё доказывают. Например, если снится, что читаешь книгу, то смысл её понятен, но только начнёшь вглядываться в напечатанные на бумаге слова, как становится невозможно разобрать буквы. И ещё — во сне всё слишком динамично развивается, не так, как в жизни.

Например: я в своём готическом замке отдыхаю в огромном кожаном кресле у камина, жаркого, как ад... Я слушаю грозу; острые, холодные, злые, как мои мысли о жене, молнии режут небо, больше похожее на чёрное бушующее море... Мои планы, жёсткие, страшные, как «железная дева», касаются жены. Я собираюсь убить её, она измотала мне нервы — моя неверная жёнушка. Я её сегодня отравлю, у меня припасён яд в секретере.

Однако, каюсь, увлёкся описанием эпизода из моего сна.

Чёрт! Опять завоняло крысами... Большими, жирными крысами и сыростью воняет время от времени ни с того ни с сего. Отвратительный дух возникает как будто в сознании. Осознаю я себя только во сне, и это не оставляет мне иного выхода: я делаю эти заметки как бы на полях своего сна. Делаю их скорее только для себя, чтобы разобраться...

Я постоянно задумываюсь о кладбищах. Один современный философ сравнил музеи с кладбищами произведений искусства. А что же тогда библиотеки? Кладбища исписанных страниц? У меня огромная библиотека. Я беру книги с полки, перечитываю их, словно эксгумирую и реанимирую трупы. Ведь когда я читаю какую-то историю, персонажи становятся живыми, пробуждаются от летаргического сна... (Мысль неясная поразила меня, словно стилетом уколола в мозг: я пишу по написанному, обвожу, как линии контурной карты, и чудным образом продолжаю писать по каминной полке, далее — по портьерам, по воздуху...) Стоп! Сюда идёт моя жена.

Необычно заботливая, подаёт мне бокал вина и улыбается. Верно, ей что-то надо... Но нет! Другого, страшного ей надо! Разбивается бокал. Выпал из моих ослабевших рук. Осколки сверкают. В глазах моих только эти осколки мельтешат. Жена всегда любила рыться в моих вещах. Она открыла секретер. Нашла яд, убила меня. Опять. Всё так знакомо! Это конец моего сновидения, развязка.

Я в склепе. Я мёртвый. Пахнет сыростью и крысами. Вот откуда! Этот запах был предчувствием! Но раньше в моём сне такого не было. Может, это реальность? Очень тесно. Но я же не тело в гробу. Я чувствую себя всем, что бывает обычно в моём сне, но как-то странно: разделённым и единым. Ни рук, ни ног; сквозь тело чертят карандашом эти строки — мысли мои. Что-то больно кусает нижний левый край (угол?). Злой крысиный писк. Меня выхватывают и раскрывают. Значит, я — книга!

Зима 20... г.

...Нормальное состояние, несмотря на то что провалялась в этом чулане лет десять. Правда, крысы обгрызли корешок внизу. Записи на полях... Похоже на бред сумасшедшего: какой-то чудаковатый вообразил себя этой книгой, когда читал её, и не знал, как перестать ею быть! Ха! Последняя надпись гласит: «Убегу ли я из литературы?!» Видимо, не убежал. Кстати, а что за книга? Не могу разобрать, плывёт перед глазами, устал. Потом посмотрю, завтра.

Осень 20... г.

Конец. Хм, чего только беллетристы не напишут! Человек, живущий в книге! Кстати, а что это я прочитал? Не запомнил названия... Опять засыпаю.
Весна 20... г.

— Отец мой! Как можно вечность сидеть по шестнадцать часов в сутки за печатной машинкой?! Стопки твоих печатных фантазий едят крысы, но количество их всё возрастает, крысы не справляются!

— Да, папаша, кончай ты эту писанину, не будет толку от людского рода!

— Отец мой, Твои персонажи страдают по-настоящему! Если можешь не писать, не пиши!

— Не могу, — сказал Отец и отложил Страшное Редактирование на неопределённый срок.

Лето 2008 г.

P.S. Убегу ли я из литературы? Куда??

Итак, этюд Дмитрия Колейчика, ныне уже окончившего заочное отделение студента, был оценён мной по высшему количеству баллов: «отменная фантазия, умение перевоплощаться в собственных персонажей, оригинальное решение темы». И вот вопрос: мог ли бы я сегодня подтвердить свою оценку,

уже хорошо зная возможности своего студента по совместной работе в семинаре? Пожалуй, мог бы. Колейчик постепенно изживает из своей прозы и стихов «детскую болезнь»: пристрастие к архетипам литературы фэнтези, к модным готическим образам, к хорору (ужасу). Он, к счастью, продолжает много писать (в отличие от других бывших студентов-заочников, которые с головой погрузились в свою офисную работу и практически перестали создавать новые тексты).

Дмитрий Колейчик наделён писательскими амбициями, для достижения которых у него имеются завидные данные. Надеюсь, что с оценкой его этюда в своё время я не ошибся. Есть ощущение, что этот воспитанник Литературного института и в самом деле из литературы никуда не убежит. Он в ней останется.

Окончание следует